

Сергей Васильевич Максимов

Крестная сила

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

Сергей Васильевич Максимов
С32 Крестная сила / Сергей Васильевич Максимов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 146 с.

ISBN 978-5-4241-1402-1

Этнографическое сочинение С. В. Максимова "Крестная сила", представляет собой описание народных верований на основании собственных наблюдений и материалов, собранных по поручению князя Тенишева, а также рассказы из истории старообрядчества.

ISBN 978-5-4241-1402-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

I. СВЯТКИ

В крестьянском быту святки считаются самым большим, шумным и веселым праздником. Они обнимают собой период времени от Николина дня (6 декабря) до Крещения (6 января), т. е. как раз тот месяц, когда земледельческое население, обмолив хлеб и покончив со всеми работами, предается отдыху.

Святки считаются праздником молодежи по преимуществу, хотя и взрослое население не остается равнодушным к общему веселью и к тому приподнятому, несколько торжественному настроению, которое свойственно всем большим праздникам в деревне. Но все-таки центром празднеств служит молодежь: ее игры, песни, сборища и гаданья дают тон общему веселью и скрашивают унылую деревенскую зиму. В особенности большой интерес представляют святки для девушек: в их однообразную трудовую жизнь врывается целая волна новых впечатлений, и суровые деревенские будни сменяются широким привольем и целым рядом забав и развлечений. На святки самая строгая мать не заставит дочку прясть и не будет держать за иглой в долгие зимние вечера, когда на улице льется широкой волной веселая песня парней, когда в «жировой» избе, на посиделках, заливается гармонь, а толпы девушек, робко прижимаясь друг к другу, бегают «слушать» под окнами и гадать в поле. Гаданье составляет, разумеется, центр девичьих развлечений, так как всякая невеста, естественно, хочет заглянуть в будущее и, хоть с помощью черта, узнать, кого судьба пошлет ей в мужа, и какая жизнь ожидает ее впереди с этим неведомым мужем, которого досужее воображение рисует то пригожим добрым молодцем, ласковым и милым, то стариком-ворчуном, постылым скрягой, с тяжелыми кулаками.

О том, как совершаются гаданья, мы подробно скажем в главе «Новый Год», здесь же заметим только, что обычай вызывать своего суженого и, в особенности, так называемые «страшные» гадания довольно заметно отражаются на душевном состоянии гадальщиц. Почти на протяжении всех святок, девушки живут напряженной, нервной жизнью. Воображение рисует им всевозможные ужасы, в каждом темном углу им чудится присутствие неведомой, страшной силы, в каждой пустой избе слышится топот и возня чертей, которые, до самого Крещения, свободно расхаживают по земле и пугают православный люд своими рогатыми черными рожами. Это настроение поддерживает не только самое гаданье, но и те бесконечные рассказы о страшных приключениях с гадальщицами, которыми запугивают девичье воображение старухи и пожилые женщины, всегда имеющие про запас добрую дюжину страшных историй. Чтобы дать читателю представление об этих «святочных» рассказах, являющихся плодом народной фантазии, приведем рассказ крестьянки Ефросиньи Рябых, записанный в Орловском уезде. «Пришла я с загадок и задумала суженого вызвать — страх хотелось мне узнать, правда это, или нет, что к девушкам ночью суженые приходят. Вот стала я ложиться спать, положила гребенку под головашки и сказала: «Суженый-ряженный, приди ко мне, мою косу расчесать». — Сказавши так-то взяла я и легла спать, как водится, не крестясь и не помолвившись Богу. И только это я, милые мои, заснула, как слышу, ползет кто-то мне под головашки, вынимает гребенку и подходит ко мне: дернул с меня дерюгу, поднял, посадил на кровати, сорвал с моей головы платок и давай меня гребенкой расчесывать. Чесал, чесал

да как зацепил гребенкой за косу, да как дернет — ажио у меня голова затрещала. Я как закричу... Отец с матерью вскочили: мать ко мне, а отец огонь вздывать. Вздудли огонь, отец и спрашивает: «Чего ты, Апрось, закричала?» — Я рассказала, как я ворожила, и как меня кто-то за косы дернул. Отец вышел в сенцы, стал осматривать двери — не видать ничего. Пришел он в избу, взял кнут и давай меня кнутом лупцевать — лупцует да приговаривает: «Не загадывай, каких не надо, загадок, не призывай чертей». — Мать бросилась было отнимать — и матери досталось через меня. Легла я после того на постель, дрожу вся, как осиновый лист, и реву потихоньку: испужалась да и отец больно прибил. А утром только я поднялась — вижу, голова моя болит так, что дотронуться до нее нельзя. Глянула я около постели своей на землю — вся земля усыпана моими висками. Вот как «он» меня расчесывал. Стала я сама расчесывать косу, а ее и половины не осталось — всю почти суженый выдернул».

А вот еще один рассказ, записанный в Новг. губ. Череповецк. у.: «Собрались, это, девки на беседу в самый сочельник, перед Рождеством — не работать (в сочельник — какая работа: грех), а так погадать да «послушать» сходить. Вот погадали, погадали, а одна девка и говорит: «Пойдем-кось, девоньки, к поросенку слушать: у нас сегодня большущего закололи и тушу в амбар стащили, пойдете». Вот и пошли, надо быть, пять девок. Сняли с себя кресты, немытика помянули, очертились ножиком и одна, которая посмелее, говорит: «Чушка, чушка, скажи, где мой суженый-ряженный?» — А поросенок им из амбара: «Отгадайте три загадки, тогда отгадаю всем суженых. Наперво отгадайте, сколько на мне щетинок?» — Отгадывали, отгадывали девки — не отгадали: где сосчитаешь щетинки на свиные? А поросенок опять: «Сколько во мне суставов?» — Опять не отгадали девки, а поросенок как рыкнет: «Ну, так я вас всех задавлю». — Девки бежать. Прибежали на беседу — лица на них нет. А хозяйка-то беседы, видно, догадливая баба была, бывала в этих делах: сейчас четырем девкам на голову горшки глиняные надела, а этой, коя загадывала, подушку положила. Вдруг как вломится в избу свинья. Схватила с одной девки горшок, думала, это голова, да о пол, схватила с другой — о пол, да так со всех четырех, а с пятой схватила подушку и убежала».

Как ни страшны сами по себе такие рассказы для напуганного воображения молоденьких слушательниц, однако, в веселые святочные вечера, даже эти ужасы не могут удержать девушек в хатах и, как только на селе зажгут огни, они как тени, скользят по улице, пробираясь на посиделки. Да и не мудрено: до страха ли тут, когда впереди ожидают танцы, маскарады, игры, песни и когда к этим беседам так долго и так много готовились. Почти целый месяц приготавлились: девушки шили наряды, парни готовили маскарадные костюмы и выбирали «жировую» избу.

Последний вопрос — о выборе избы для посиделок — повсюду считается очень важным и решается сообща. Чаще всего, за 2, за 3 рубля, какая-нибудь одинокая солдатка или полунищая старуха уступает молодежи свою избу, позволяя вынести домашнюю рухлядь и убрать все так, как захотят наниматели. Деньги за избу платятся наличными или отрабатываются, причем только в очень немногих местах девушки освобождаются от взносов. В большинстве же случаев, деревня не знает привилегии дам и обкладывает девушек наравне с парнями, а местами даже заставляет их платить больше, так что если парень вносит шесть

коп., то девушка должна платить двенадцать, а случае бедности — день жать.

Святочные посиделки начинаются обыкновенно не ранее 6 декабря и отличаются от всех других посиделок тем, что и парни, и девушки ряжутся. Это своего рода деревенский бал-маскарад. Правда, ряжение — в особенности в первые дни святков — бывает самое незамысловатое: девушки наряжаются в чужие сарафаны (чтобы парни не узнали по одежде) и закрывают лицо платком, и только самые бойкие наряжаются в несвойственную одежду: парни — в женский, девушки — в мужской костюм. Это последнее переодевание практикуют чаще всего гости, приходящие на посиделки из чужих деревень, чтобы легче было интриговать и дурачить знакомых. Самая же «интрига» в таких случаях бывает также крайне незамысловата: обыкновенно парень, переодетый девкой, выбирает себе в кавалеры какого-нибудь влюбчивого и простоватого парня и начинает его дурачить: заигрывает с ним, позволяет вольные жесты и пощипывания, назначает свидания и даже дает нескромные обещания. К концу вечера простофиля-кавалер обыкновенно пламенеет от страсти и умоляет свою даму, чтобы она осчастливила его немедленно. Но дама, обыкновенно, кокетничает и уступает не сразу. Зато потом, когда все-таки она выйдет на свидание, и влюбленный парень заключит ее в объятия, из избы выскакивает целая ватага хохочущих молодцов, которые быстро охлаждают любовный пыл простофили, набивая ему полные штаны снегом. Приблизительно такой же характер носят интриги девушек, наряженных парнями. Они тоже выбирают себе наиболее простоватых девиц, ухаживают за ними, уговаривают за себя замуж и даже выпрашивают иногда в залог платок, колечко и пр. Справедливость требует, однако, заметить, что интриги подобного рода далеко не всегда отличаются скромностью. Случается, что какая-нибудь расшалившаяся солдатка, наряженная парнем, выкинет такую штуку, что присутствующие девушки стоят со стыда. Но таких солдаток обыкновенно успокаивают сами же парни, которые с хохотом и криками разоблачают озорницу почти донага и в таком виде пускают ее на улицу, где еще вываляют в снегу. Вообще, сдерживающим началом на посиделках служит присутствие в «жировой» избе посторонних людей, в лице ребятишек и пожилых мужчин и женщин. Особенно стесняют ребятишки: иной парень и рад бы позволить себе какую-либо нескромность в отношении интересующей его девушки, но он видит, что с полатей свесилась голова мальчишки — брата девушки, который все примечает и, в случае надобности, скажет матери, а то и отцу шепнет. Эти лежащие на полатах контролеры иногда так раздражают парней своим неусыпным надзором, что дело кончается побоями: один из парней берет веник и с ожесточением хлещет ребятишек, в то время, как другой припрет дверь и никого не выпускает из избы. Эзекуции такого рода сплошь и рядом достигают цели, и ребятишки, с ревом и плачем, без души разбегаются по домам, как только их выпустят.

Сдерживающим началом служит до некоторой степени и присутствие на посиделках чужих парней и девок, пришедших из соседних деревень. Их принимают, как гостей, и стараются, чтобы все было прилично и чинно. Хозяйка беседы, как парни, так и девицы, встают с лавок и предлагают их занять гостям, а во время танцев обращают строгое внимание, чтобы чужие девки не оставались без кавалеров и чтобы с парнями-гостями танцевали девки «первого сорта», т. е. самые пригожие. Впрочем, бывают случаи, когда именно присутствие на посиделках чужих парней, явившихся незваными гостями, служит причиной жесто-

ченных ссор и даже драк. Вот что на этот счет сообщает наш корреспондент из Вологодской губ. Никольск. у.: «Если какой-нибудь парень из чужой деревни вздумает «ходить» (ухаживать) за девкой и посещать игрища, то он непременно должен выставить парням-однодеревенцам девушки, в виде отступного, водки — в противном случае он платится побоями и даже увечьем. Избитый, в свою очередь редко оставляет побои без отмщения и, подбивши парней своей деревни «выставкою» им водки, является, в сопровождении целой ватаги, в село к оскорбителям и врывается на игрище, где и завязывается, обыкновенно, свалка. Девки, в таких случаях, разбегаются по домам, а парни выходят на улицу и дерутся уже не на кулаках, как в избе, а «плахами» (поленьями). Драки подобного рода происходят по несколько раз, возобновляясь все с новой силой, и кончатся или тем, что коренные парни, как побежденные, соглашаются принимать на игрище чужаков «без водки», или, как победители, «сдирают» с противников водку, которую и распивают на посиделках».¹

Кроме танцев (кадриль, ленчик, шестерка) и гаданий, любимым развлечением на посиделках являются, так называемые, игрища, под которыми следует понимать, между прочим, представление народных комедий, где и авторами и актерами бываю деревенские парни. В одной из таких комедий фигурируют, например, какой-то король Максимилиан, его непокорный сын Адольфий и приближенный короля Марк-гробокопатель; в другой главным лицом является Степан Разин со своими разбойниками и красными девушками, причем центром пьесы служит кровавая расправа Разина с корыстным купцом; в третьей, наконец, центральной фигурой является помещик и т. д. Обо всех этих пьесах мы скажем несколько ниже, здесь же позволим себе заметить, что игрища, в большинстве случаев, поражают наблюдателя грубостью нравов, так что отцы церкви не напрасно назвали их «бесовскими». Конечно, нельзя отрицать, что в доброе старое время св. отцы подходили к вопросу с известным предубеждением и видели в игрищах только остатки язычества и того двоеверия, с которым они энергично боролись. Но невозможно в то же время упускать из виду, что добрая половина игрищ, сама по себе, составляет остаток варварства, поражающий стороннего наблюдателя откровенным цинизмом. Этот цинизм еще ужасен и тем, что он почти всегда переходит в жестокость и издевательство над слабыми, т. е. над деревенскими девушками, за которых некому вступиться. «Деревенские парни, — пишет наш корреспондент из Череповецк. у. Новгородск. г., — позволяют себе на беседах такие выходы, что только привычка здешних девиц к терпению и цинизму мужчин останавливает их от жалоб в суд». — Для образца укажем несколько излюбленных святочных игр, практикуемых почти повсюду.

1) Игра в кобылы. — Собравшись в какую-нибудь избу на беседу, парни устанавливают девок попарно и, приказав им изображать кобыл, поют хором:

Кони мои, кони,
Кони вороные...

Затем один из ребят, изображающий хозяина табуна, кричит: «Кобылы, славные кобылы! Покупай, ребята!» — Покупатель является, выбирает одну девку, осматривает ее, как осматривают на ярмарке лошадь, и говорит, что он хотел бы ее купить. Дальше идет торговля, полная непристойных жестов и неприличных песен. Купленная «кобыла» целуется с покупателем и садится с ним. Затем, с теми же жестами и песнями происходит переторжка, после чего

начинается ковка кобыл. Один из парней зажигает пук лучины (горн), другой раздувает его (мехи), третий колотит по пяткам (кузнец), а покупатель держит кобылицыны ноги на своих, чтобы не ушла.

2) Игра в блины. — Эта игра столь же популярна как и предыдущая, и состоит в том, что один из парней берет хлебную лопату или широкий обрезок доски, а другой поочередно выводит девушек на середину избы и, держа за руки, поворачивает их спиной к первому парню, который со всего плеча дует их по нижней части спины. Это и называется «печь блины».

3) Игра в быка. — Парень, наряженный быком, держит в руках под покрывалом большой глиняный горшок с приделанными к нему настоящими рогами быка. Интерес игры состоит в том, чтобы бодать девок, причем бодать так, чтобы было не только больно, но и стыдно. Как водится, девки поднимают крик и визг, после чего быка убивают: один из парней бьет поленом по горшку, горшок разлетается, бык падает и его уносят.

4) Игра в гуся. — Гусь приходит тоже под покрывалом, из-под которого виднеется длинная шея и клюв. Клювом гусь клюет девок по голове (иногда ребельно) и в этом состоит все его назначение.

5) Игра в лошадь. — Над лошадью ребятам приходится много трудиться, чтобы приготовить ей, сверх покрывала, голову, похожую на лошадиную. Но смысл игры тот же: лошадь должна лягать девок.

6) Игра в кузнеца. — Это более сложная игра, представляющая собой зародыш деревенской комедии. В избу, нанятую для беседы, вваливается толпа парней с вымазанными сажей лицами и с подвешенными седыми бородами. Впереди всех выступает главный герой — кузнец. Из одежды на нем только портки, а верхняя голая часть туловища разукрашена симметрично расположенными кружками, изображающими собой пуговицы. В руках у кузнеца большой деревянный молот. За кузнецом вносят высокую скамейку, покрытую широким, спускающимся до земли, пологом, под которым прячется человек пять-шесть ребятшек. Кузнец расхаживает по избе, хвастает, что может сделать все, что угодно: замки, ножи, топоры, ухваты и, сверх того, умеет «старых на молодых переделывать». — «Не хочешь ли я тебя на молодую переделаю?» — обращается он к какой-нибудь девице не первой молодости. Та, разумеется, конфузится и не соглашается. Тогда кузнец приказывает одному из ряженных стариков: «Ну-ка ты, старый черт, полезай под наковальню, я тебя перекую». — Старик прячется под пологом, а кузнец бьет молотом по скамейке и из-под полога выскакивает подросток. Интерес игры состоит в том, чтобы при каждом ударе у кузнеца сваливались портки и он оставался совершенно обнаженным. Когда всех стариков перекуют на молодых, кузнец обращается к девушкам, спрашивая у каждой: — «Тебе, красавица, что сковать? Тебе, умница, что сковать?» — И каждая девица должна что-нибудь заказать, а затем, выкупая приготовленный заказ, поцеловать кузнеца, который старается при этом как можно больше вымазать ей физиономию сажей.

Все перечисленные игры (в которых мы должны опустить наиболее циничные пассажи) при всей грубости и жестокости, все-таки не заключают в себе ничего такого, что оскорбляло бы религиозное чувство человека и что, так или иначе, связывалось бы с христианскими верованиями и обычаями. Но, к сожалению, существует целая группа других игр, которые окрашены не только цинизмом, но

и содержат в себе элемент несомненного кошунства. Такова, например, игра в покойника (местные названия: «умрун», «смерть» и т. д.). Состоит она в том, что ребята уговаривают самого простоватого парня или мужика быть покойником, потом наряжают его во все белое, натирают овсяной мукой лицо, вставляют в рот длинные зубы из брюквы, чтобы страшнее казался, и кладут на скамейку или в гроб, предварительно накрепко привязав веревками, чтобы, в случае чего, не упал или не убежал. Покойника вносят в избу на посиделки четыре человека, сзади идет поп в рогожной ризе, в камилавке из синей сахарной бумаги, с кадиллом в виде глиняного горшка или рукомойника, в котором дымятся угли, сухой мох и куриный помет. Рядом с попом выступает дьячек в кафтане, с косицей назади, потом плакальщица в темном сарафане и платочке, и, наконец, толпа провожающих покойника родственников, между которыми обязательно найдется мужчина в женском платье, с корзиной шанег или опекишей для поминовения усопшего. Гроб с покойником ставят посреди избы и начинается кошунственное отпевание, состоящее из самой отборной, что называется, «острожной» брани, которая прерывается только всхлипыванием плакальщицы, да каждением «попа».

По окончании отпевания, девок заставляют прощаться с покойником и насильно принуждают целовать его открытый рот, набитый брюквенными зубами. Нечего и говорить, что один вид покойника производит на девушек удручающее впечатление: многие из них плачут, а наиболее молоденькие, случается, даже заболевают после этой игры.² Кончается игра тем, что часть парней уносит покойника хоронить, а другая часть остается в избе и устраивает поминки, состоящие в том, что мужчина, наряженный девкой, оделяет девиц из своей корзины шаньгами — кусками мерзлого конского помета.

В некоторых местах та же игра в покойника варьируется в том смысле, что покойника, обернутого в саван, носят по домам, спрашивая у хозяев: «На вашей могиле покойника нашли — не ваш ли прадедка?» Находящиеся в избе, разумеется, приходят в ужас. Бывали случаи, когда маленькие ребятки падали в обморок и долго после того бредили.

К игре в покойника взрослое население относится с полным осуждением. В народе ходят слухи, что тот, кто изображает покойников, будет схвачен ими в лесу и утащен неведомо куда. Так, в Никольском у. Вологод. губ., рассказывают, что один парень, надевавший на святках саван, был утащен покойником в болото и отдан во власть дьявола. Дьявол долго бил парня дубиной, заставляя снять с себя крест и бросить в болото. Однако, несчастный, несмотря на жесточайшие мучения, все-таки не покорился и креста не снял, чем и спасся от смерти, одолевшись только тяжкими увечьями.

Но, несмотря на такие «страшные» рассказы, обычай рядиться покойниками еще очень распространен по всему нашему северу, и, в том же Никольском у. Вологодск. губ., покойниками наряжается не только молодежь, но и женатые мужики, и притом по несколько человек сразу, так что в избу для посиделок врывается иногда целая артель покойников. У всех из них в руках туго свитые жгуты, которыми они беспощадно хлещут приезжих парней и девиц из чужой деревни (гостьев). Достается, впрочем, и своим девицам, которым, без лишних разговоров, наклоняют голову и хлещут по спине до синяков.

Из числа других игр, представляющих собой зародыш младенческой комедии, необходимо указать на очень распространенную «игру в барина». Эта комедия